
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК: 911.3

Веденин Ю.А.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ ОЙКУМЕНЫ¹

*Институт географии РАН,
Россия, Москва, vedenin37@gmail.com*

Аннотация. В статье обсуждается место и роль культурного ландшафта в сохранении исторической памяти ойкумены. Эта тема рассматривается на примере ценных культурных ландшафтов, отнесенных обществом к объектам наследия. Особое внимание уделяется соотношению между исторической памятью и свойствами культурного ландшафта как объекта наследия – подлинностью, целостностью, исторической репрезентативностью и документальностью.

Ключевые слова: историческая память, актуальная и скрытая историческая память, культурный ландшафт, культурное наследие.

Поступила: 10.08.2018

Принята к печати: 24.08.2018

Vedenin Yu.A.

Cultural landscape as a guardian of the Ecumenic memory

*Institute of geography of the Russian Academy of Sciences
Russia, Moscow, vedenin37@gmail.com*

Abstract. The paper discusses the place and role of cultural landscape in the preservation of historic memory of Ecumene. It presents a case study of valuable cultural landscapes nominated by the society as heritage sites. Particular attention is paid to the relation between the historic memory and such criteria of the cultural landscape as its authenticity, integrity, historic representation and documentary character.

¹ © Ю.А. Веденин, 2019

Keywords: historic memory; actual and hidden historic memory; cultural landscape; cultural heritage.

Received: 10.08.2018

Accepted: 24.08.2018

Культурный ландшафт и историческая память

В процессе заселения и освоения вселенной человек устанавливает тесные связи с природой и формирует свою собственную среду обитания. Это все фиксируется в структуре культурного ландшафта, в процессах его функционирования и развития.

В настоящее время существует множество определений культурного ландшафта.

Во-первых, культурный ландшафт рассматривается как результат «сотворчества» человека и природы, осуществляемого в процессе утилитарного, интеллектуального или духовного освоения пространства [Всемирное культурное и природное наследие... 1999].

Во-вторых, культурный ландшафт – это сложная территориальная система, в которой определяющую роль играет человек как носитель определенных культурных ценностей [Веденин, Кулешова, 2001; Культурный ландшафт... 2004; Калуцков, 2008].

В-третьих, культурный ландшафт представляет особый текст, содержащий информацию о ценностях – хозяйственных, социальных, духовных, которые были заложены людьми в процессе формирования и развития ойкумены [Лихачёв, 1982; Лотман, 2002; Лавренова, 2010; Кристева, 2000; Каганский, 2012].

Несколько слов об актуальности рассмотрения ойкумены в контексте культурного ландшафта. Культурно-ландшафтное пространство ойкумены формируется в результате деятельности разнообразных этносов и народов, групп людей, отдельных личностей, различающихся по менталитету, культуре, образованию и их взаимодействию с окружающей средой. Так, например, Средняя полоса Европейской части России в разные исторические эпохи была связана с угро-финскими, славянскими и тюркскими народами; на ней проживали и работали люди разных национальностей, конфессий, профессий, приехавшие из разных стран, получившие образование в отечественных и зарубежных учебных заведениях. Результаты их деятельности сохраняются в культурном ландшафте этого региона. Об этом свидетельствуют внешний облик город-

ских и сельских местностей средней полосы России, дворцово-парковых и усадебных ансамблей, распространенные на этой территории топонимы.

Другой пример – это Санкт-Петербург и его пригороды, которые хранят память о многих народах, живших здесь еще до вхождения региона в состав Российской империи. Это представители угро-финских народов, которые одни из первых начали заселять эту землю и память о которых до сих пор сохраняется в ее топонимии. Начиная с VIII в. территория стала местом расселения славянского населения и была тесно связана с Новгородской республикой и Московским княжеством. В XVII в. этой территорией владели шведы, о чем напоминают остатки крепостных сооружений (Ниеншанц, Шлиссельбург). И наконец, в начале XVIII в., во время царствования Петра I здесь был создан Санкт-Петербург, город, который более двух веков был столицей Российской империи, ее политическим и культурным центром.

Одной из важнейших функций культурного ландшафта является его особая роль в трансляции исторической памяти ойкумены [Веденин, 2018].

Историческая память определяется нами как совокупность передаваемой из поколения в поколение информации об истории формирования и развития человечества и окружающей его среды.

Культурный ландшафт, возникший в результате адаптации человека к окружающей природной среде, обустройства и приспособления этой среды к потребностям и характеру деятельности человека, хранит в себе память об объектах, событиях и процессах, свидетельствующих об особенностях развития человеческого общества и окружающей среды на протяжении всей истории их существования.

Характерной чертой исторической памяти ойкумены является ее дискретность. Это обусловлено тем, что значительная часть информации теряется в процессе перехода от одного поколения к другому или остается непознанной. Это позволяет говорить о существовании скрытой и актуальной (открытой) исторической памяти, о переходе актуальной памяти в скрытую и обратно.

Очень важной для современного общества проблемой является отношение государственных и общественных институтов к исторической памяти. Не секрет, что на определенных этапах политического, социального и экономического развития в качестве

актуальной, т.е. востребованной, исторической памяти государство и общество начинают выделять определенные ее фрагменты, исходя из современных оценок происходивших в прошлом процессов. Для политической власти, установившейся в большевистской России, а затем в СССР, было выгодно перевести значительную часть исторической памяти из актуальной в скрытую. Отсюда стремление государства к ликвидации религиозных институтов, к разрушению культовых сооружений, монументов, посвященных памяти видных государственных деятелей Российской империи. Желание стран Восточной Европы и бывших советских республик зачеркнуть некоторые страницы своей истории, связанные с коммунистическим прошлым, проявляется в разрушении напоминающих об этом времени монументов и памятных знаков, переименовании названий городов, улиц и площадей. Это проявляется и в отношении к памятникам советским воинам, погибшим во время Второй мировой войны. Об аналогичных проблемах, связанных с переоценкой истории, свидетельствует борьба с памятниками на территориях Западной Украины, граничащих с Польшей, Венгрией и Румынией [Колосов, 2017; Вендина, Гриценко, 2017].

Такое же отношение к истории, к исторической памяти проявляется и тогда, когда хотят подчеркнуть вклад того или иного этноса в формирование среды своего обитания, показать преимущество одного этноса над другим, определить, кто был первым или являлся основным игроком при освоении и обустройстве тех или иных территорий. Об этом свидетельствует характер дискуссии, ведущейся по поводу Нагорного Карабаха, Абхазии, Крыма и т.д.

На определенном этапе своего развития человечество начинает прилагать усилия для сохранения накопленной за предыдущие эпохи информации, искать новые источники для ее пополнения. Фактически речь идет об осознании целостности исторической памяти, о желании общества заполнить имеющиеся в ней лакуны. Важную роль в этом процессе играет наука, в задачи которой входит изучение закономерностей функционирования биосферы на протяжении всей истории ее развития, включая и те процессы, которые происходили задолго до появления человека, но повлиявшие на формирование среды его обитания. Благодаря научным изысканиям, творчеству деятелей искусства, изучению и пропаганде народных традиций, увеличиваются объем и содержание заложенной в культурный ландшафт исторической информации.

Особый вклад в процесс информационного обогащения культурного ландшафта вносят гуманитарные науки, прежде всего археология и история, искусствоведение и этнография, социология и культурология, культурная и историческая география. Немаловажную роль в этом процессе играют естественные науки, в том числе науки о Земле, физика, биология, антропология и т.д.

Культурный ландшафт как наследие

Человеческое общество и среда его обитания не являются статичной системой. В какие-то моменты или периоды исторического времени человеческое сообщество и окружающая его среда существенным образом меняются. Эти изменения могут происходить как революционным путем, так и в процессе эволюционного развития, через возникновение наиболее совершенных или принципиально новых культурных ценностей. Наиболее значимая информация об этих явлениях, имеющая особое значение для сохранения наивысших достижений мировой, национальной или региональной культуры, начинает восприниматься как информационно-культурный код, с помощью которого историческая память включается в современные процессы жизнедеятельности общества. Носители наиболее ценной исторической памяти рассматриваются обществом как объекты наследия.

В силу своей многокомпонентности и взаимосвязанности культурный ландшафт характеризуется многообразием и богатством видов информации. Историческая память отражается во множестве текстов, носителями которых выступают отдельные элементы и компоненты культурного ландшафта как материальные, так и не материальные. Это архитектурные сооружения, природно-технические или природные объекты, предметы быта, разнообразные письменные источники, в том числе архивные материалы, произведения искусства, литература, музыка, кино и театр. Часть исторической памяти передается через традиционные технологии, фольклор, топонимию и т.д.

Культурный ландшафт как объект наследия обладает рядом специфических свойств. Особый интерес представляют: подлинность, историческая репрезентативность и документальность культурного ландшафта [Веденин, 2018].

Подлинность предполагает высокую степень сохранности носителей информационно-культурных кодов, сформировавшихся в процессе создания и развития данного объекта; значительную долю сбереженных в результате постоянного поддержания или консервации созданных или сохраненных нашими предками объектов, явлений или их элементов, фрагментов и даже следов от них; высокую степень сохранности исторических и традиционных функций ландшафта.

Историческая репрезентативность характеризует процесс формирования и развития ландшафта, его преемственность и дополняемость. Этот признак свидетельствует о высокой степени сохранности памяти об истории объекта, о действиях, связанных с необходимостью его постоянного поддержания, целенаправленной и последовательной деятельностью, направленной на его развитие. Это предполагает максимально полную представленность всех исторических слоев или природно-естественных стадий эволюции, свидетельствующих о процессах формирования и развития объекта, который впоследствии стал рассматриваться как наследие [Веденин, 2018].

Документальность указывает на особую роль ландшафта в хранении и передаче от одного поколения к другому информации об историко-культурных и природных ценностях, объектах и явлениях, имеющей универсальное значение для человечества. В данном случае ландшафт выступает в форме документа, в котором в виде определенного текста закодирована память о предшествующих эпохах, представляющих ценность для будущих поколений. Это предполагает высокую степень изученности объектов наследия как носителей ценной в историческом, научном, художественном отношении информации. Д.С. Лихачёв указывает не только на необходимость изучения наследия, но и на то, что его восприятие требует глубоких знаний и умения «считывать» соответствующие историко-культурные коды [Лихачёв, 1984].

Проблемы сохранения, реставрации и воссоздания культурного ландшафта как объекта наследия

В процессе формирования и развития культурного ландшафта происходят два диаметрально противоположных процесса. С одной

стороны, значительная часть исторической памяти исчезает и оказывается невостребованной обществом. С другой стороны, общество стремится сохранить свою историческую память и даже расширить ее объемы и содержание.

Деградация культурного ландшафта как результат утраты исторической памяти. Потеря исторической памяти связана со многими **процессами**. Это происходит в результате гибели или деградации подлинных материальных объектов наследия. В качестве примеров могут быть приведены: снос исторической застройки в результате перепланировки исторических городов (строительство гостиницы «Россия» на месте исторического квартала Зарядья, разрушение исторических зданий в районе арбатских переулков и появление Нового Арбата); разрушение природных ландшафтов, имеющих особое историко-культурное значение (устройство карьеров на пойме Оки около музея-усадьбы Поленова), уничтожение традиционной застройки в дачных поселках и сельских поселениях и т.д.

Аналогичный процесс происходит в результате замены подлинных исторических памятников на их копии или фантомы (здание «Военторга» и гостиницы «Москва» в столице России).

Серьезные проблемы, ведущие к потере исторической памяти, возникают в результате проведения исторических реконструкций и попыток вернуть сохранившемуся до наших дней объекту наследия облик, относящийся к более раннему времени, который был в процессе прошедшего времени утрачен. В связи с этим обычно освобождаются от более поздних наслоений, в том числе от капитальных строений, пристроек, изменений в планировочной структуре, которые возникли в течение длительного процесса формирования архитектурного памятника или исторического культурного ландшафта, и вместе с тем воссоздаются утраченные объекты — здания, малые архитектурные формы, аллеи, дорожная сеть и т.д. Ярким примером такого подхода являются работы по реконструкции Летнего сада [Веденин, 2018]. Точно такие же потери исторической памяти происходят в результате обновления фасадов и интерьеров зданий, расположенных в исторической застройке, декоративного убранства интерьеров и т.д. [Борисов, 2010; Веденин, 2018].

К потере исторической памяти ведет и уничтожение или сокрытие письменных исторических документов, закрытие архивов, запрет на распространение ранее изданных книг или возможностей

осмотра произведений искусства, относящихся к определенным периодам истории или неоднозначного отношения государства к личности, творческой ориентации художника, ликвидация исторических граффити или надписей со стен реставрируемых памятников архитектуры. Это можно видеть на примере удаления следов ГУЛАГа в старинных храмах Соловецкого монастыря.

Серьезные проблемы возникают в связи с уничтожением исторической и традиционной топонимии. Эти изменения происходят в результате переименования названий городов, улиц, урочищ. В России наиболее серьезный урон был связан с советским периодом, когда происходило массовое переименование названий городских улиц и площадей. Внедрение в городскую топонимию новых названий, связанных с именами деятелей международного и российского коммунистического движения, фактически привело к потере связей города с природным ландшафтом и его историей. К сожалению, в настоящее время очень редко можно увидеть, чтобы на табличках, где написаны современные наименования улиц, давалась бы информация о всех названиях, которые носила эта улица или площадь в прошлом.

Наиболее ранимый пласт исторической памяти – это живая традиционная культура. Об этом свидетельствует гибель или деградация традиционных культурных ценностей в сельской России, в том числе фольклора, народных ремесел, традиционных технологий, исчезновение исторических функций городов, отдельных районов города. Эти потери особенно велики в случае депопуляции коренного сельского населения, когда исчезают не только нематериальные культурные ценности, но и материальные свидетельства уходящей культуры – сельские усадьбы, церкви и часовни, мельницы, амбары и бани, сельскохозяйственные угодья, кладбища и т.д.

Проблемы сохранения культурного ландшафта как объекта культурного наследия. Культурный ландшафт как носитель исторической памяти не может быть сохранен без бережного отношения к расположенным на территории ландшафта подлинным объектам наследия и окружающей их среде. При этом имеется в виду сохранение не только самого объекта, но и патины времени как свидетельства длительной истории его существования. Характерным примером такого культурного ландшафта, где этот фактор играет особо значимую роль, является Венеция: история жизни

большинства расположенных в этом городе каналов, набережных, зданий обнажена, не скрыта от глаз зрителей, поскольку сохранение наследия не предполагает проведения работ по обновлению их внешнего облика. Подлинность объекта может быть сохранена только в контексте его взаимосвязи с естественной исторической средой. Нарушение этого принципа может быть проиллюстрировано на примере очистки стен Соловецкого монастыря от лишайников, наросших на камни в результате многолетнего процесса адаптации искусственного сооружения к природной среде. Попытка удалить лишайники с поверхности каменных строений монастыря ведет к нарушению установившегося баланса, способствующего сохранению этого объекта наследия.

Нередко при воссоздании утраченных памятников истории и культуры в качестве аргумента ссылаются на необходимость сохранения исторической памяти. Особенно часто эта проблема возникает в городских культурных ландшафтах. Так, например, в Москве начиная с 1990-х годов ведется кампания по восстановлению разрушенных в советское время храмов. Однако при этом, казалось бы, явно позитивном процессе был нарушен принцип исторической репрезентативности ландшафта. Город должен хранить память обо всех событиях, которые происходили в течение длительного времени его существования. Возникает вопрос, каким образом можно решать эту проблему? Построить копию утраченного храма или сохранить память об этом объекте через организацию на этом месте мемориала, посвященного истории этого места. В первом случае воссоздается исчезнувший памятник архитектуры, восстанавливается исторически достоверный визуальный облик города. Во втором случае сохраняется историческая память ландшафта, включающая всю историю этого места, причем не только связанную со снесенным в советское время храмом, но и с более отдаленными или более близкими событиями. Так, например, в мемориале, который можно было бы устроить рядом с воссозданным храмом Христа Спасителя, можно было бы разместить информацию о снесенных в начале 1830-х годов Свято-Алексеевском монастыре XVII в. и церкви Всех Святых, а также о планах Сталина построить на этом месте Дворец Советов – новый «храм», связанный с коммунистической идеологией. Очевидно, что каждое решение должно приниматься в зависимости от сложившейся ситуации и приоритета решаемых при этом задач. Если исходить из принципа подлинности и историче-

ской репрезентативности городского ландшафта, то возможно допустить, чтобы на месте утраченных объектов строились новые сооружения, соответствующие современной стилистике, но, конечно, с учетом установленных режимов и градостроительных регламентов. Новые сооружения в любом случае являются подлинными, и через некоторое время лучшие из них могут войти в Реестр объектов культурного наследия.

Важным направлением в сохранении исторической памяти ландшафта является бережное отношение к исторической функции места. Наиболее яркие примеры такого подхода – старые университетские города Англии – Оксфорд и Кембридж, Ватикан как центр католического мира, исторические кварталы Праги, где располагаются традиционные рестораны и пивные. Хотя некоторые исторические города и потеряли свою историческую миссию, но именно эти, казалось бы, давно исчезнувшие функции, являются центральным градоформирующим фактором, определяющим их современное существование. В качестве примера может быть приведен бывший город медеплавильщиков Рёрос (Норвегия), ныне один из популярных центров туризма.

Выявление скрытой исторической памяти и ее актуализация как необходимое условия повышения ценности культурного ландшафта – объекта наследия. Для решения этих задач необходимо в первую очередь проведение научных исследований, с помощью которых можно было бы расширить объем знаний об истории формирования ландшафта и ввести эту информацию в его историческую память. В предшествующем тексте уже говорилось, что для этого необходимо осуществление комплекса работ в области гуманитарных и естественных наук, в том числе: истории, археологии, истории культуры и искусства, культурной географии, физической географии, палеонтологии, геологии, гидрологии, биологии и т.д. Очень важная роль принадлежит краоведам, благодаря которым изучается история поселений, отдельных сооружений, прослеживается генеалогия местного населения, рассказывается о судьбах наиболее интересных людей, живших когда-то в этом городе или селе. Для многих мест, не связанных с широко известными событиями или личностями, имеющими мировую или общенациональную славу, историческая память сохраняется прежде всего через историческую и традиционную топонимию, в которой отражена история города или сельского поселения, его при-

родные особенности. Из сохранившихся до наших дней топонимов можно узнать об исторических ремеслах, местах расселения различных сословий, национальных меньшинств, о роли природных факторов в формировании исторической застройки и т.д.

Второй шаг на этом пути заключается в актуализации исторической памяти. Для того чтобы эта информация была доступна населению, необходимы установка новых памятных знаков, популяризация исторической информации через формирование новых музейных экспозиций, насыщение этой информацией всего пространства обитания людей, издание путеводителей и т.д. В качестве одного из примеров может быть приведен опыт разработки программы для материализации культурных ландшафтов **Водлозерья. Когда-то на островах Водлозера располагалось множество деревень. В настоящее время почти все деревни исчезли с лица Земли.** Для того чтобы восстановить память об этих деревнях, о людях, которые там жили, нами было предложено на базе сохранившихся или воссозданных часовен организовать мемориальные музейные экспозиции, посвященные истории села, генеалогии местного населения, микротопонимике.

Нередко возникает проблема, связанная с необходимостью, с одной стороны, сохранить подлинный культурный ландшафт, а с другой – расширить объемы доступной информации о мемориальной ценности этого ландшафта. При этом следует иметь в виду, что с того памятного события или исторического периода, которое определило мемориальную ценность ландшафта, прошло много времени и его облик заметно преобразился. В этом случае возможно использование исторических реплик, напоминающих об этих событиях и вместе с тем не нарушающих представление о подлинности культурного ландшафта. С такой ситуацией пришлось столкнуться при материализации Бородинского поля, где были воссозданы фрагменты старинных окопов и флешей [Культурный ландшафт... 2004]. Возможно также использование современных технологий, позволяющих создать виртуальный образ объекта на определенную дату его существования [Веденин, Воробьева, Пчелкин, 2011].

Актуализация исторической памяти может быть осуществлена через придание культурным ландшафтам статуса музеев-заповедников, музеев-усадб или национальных парков. По этому пути пошли при организации мемориальных музеев-усадб:

Ф. Тютчева и Е. Баратынского «Мураново», С. Аксакова и С. Мамонтова «Абрамцево», В. Поленова «Поленово» и т.д. В ряде случаев мемориальные усадьбы были созданы в местах, где почти ничего не сохранилось. Только ландшафт и остатки парка. Тем не менее для того чтобы увековечить память живших там людей, было принято решение о воссоздании разрушенных строений и придании этим местам статуса музеев-усадоб. Здесь можно вспомнить об усадьбах А. Блока Шахматово, М. Глинка Новоспасское, А. Болотова Дворяниново. Это позволяет не просто воссоздать старинное строение и тем самым напомнить публике о том, что здесь когда-то был усадьба, но и вдохнуть жизнь в этот культурный ландшафт, превратить его в культурный центр, оказывающий влияние на развитие этого места.

Большой опыт работ по актуализации исторической памяти был накоплен при создании крупных музеев-заповедников. Это может быть показано на примере музеев-заповедников «Михайловское» А.С. Пушкина и «Куликово поле». Усадьба Михайловское была родовым имением А.С. Пушкина, и от нее практически ничего не сохранилось. Долгое время считали, что аутентичным объектом является только домик няни, Арины Родионовны. В соседних имениях Петровском и Тригорском, также связанных с именем Пушкина, все исторические строения, относящиеся ко времени пребывания там поэта, были разрушены. Таким образом, основным аутентичным объектом наследия, хранящим историческую память этого места, являлся окружающий ландшафт. Тем не менее государство приняло решение об объявлении территории, включающей места утраченных усадеб и окружающий их ландшафт, музеем-заповедником. Были воссозданы утраченные усадьбы, проведена реставрация усадебных парков. В экспозициях музеев были собраны сохранившиеся мемориальные предметы или их аналоги, хранящие в себе память о быте дворянских усадеб первой половины XIX в. На наш взгляд, такое решение было абсолютно правильным, потому что исторический культурный ландшафт был дополнен историческими репликами, позволяющими в полной степени ощутить дух эпохи, времени пребывания в этих местах Пушкина и вместе с тем не нарушить подлинность самого ландшафта.

Второй пример – это музей-заповедник «Куликово поле», который был организован на месте, где, по преданиям, в 1380 г. произошла битва между русским войском под руководством князя

Дмитрия Донского и татарским войском, возглавляемым темником Золотой Орды Мамаем [Гриценко, Наумов, 2017]. По различным летописным источникам, русские и татарские войска встретились на месте слияния Непрядвы и Дона. И хотя у ученого сообщества так и не сложилось единого мнения о том, где же на самом деле происходило сражение, были предприняты определенные шаги по увековечению памяти об этом, столь важном для России, событии. В 1850 г. в честь князя Дмитрия Донского на территории поля был установлен обелиск. Затем уже в 1917 г. по проекту А. Щусева был построен храм Сергия Радонежского. В середине 1960-х годов на базе мемориального комплекса был организован филиал Тульского музея, а в 1996 г. музей-заповедник «Куликово поле». Таким образом, несмотря на то что аутентичность этого ландшафта как места сражения до сих пор вызывает определенные сомнения, именно этот ландшафт уже в течение многих лет идентифицируется как поле битвы. На нем создана соответствующая инфраструктура, ему посвящены книги, путеводители. Более того, этот ландшафт начинает жить своей самостоятельной жизнью, уже не связанной с событиями XIV в. Благодаря тому что в музее-заповеднике совместно с Государственным историческим музеем и Институтом географии, другими научными учреждениями продолжаются археологические и палеогеографические работы, появляется информация об истории формирования системы расселения и хозяйственной деятельности; ведутся исследования, позволяющие получить новые данные об истории возникновения Ивановского канала и Епифанских шлюзов, о строительстве города Епифани, о том, какие виды растительности существовали здесь в Средневековье, о характере растительности, в том числе о засечных лесах и ковыльных степях. Таким образом, основной ценностью культурного ландшафта, сохраняющегося сегодня в музее-заповеднике «Куликово поле», стала историческая память. И именно благодаря тому что на этом месте организован музей-заповедник, в функцию которого входит проведение научно-исследовательских работ, объемы и содержание исторической памяти этого культурного ландшафта постоянно возрастают.

Одним из примеров актуализации исторической памяти может стать предложение по организации музея-заповедника на базе ассоциативного культурного ландшафта, расположенного в Озёрном крае на северо-западе Тверской области. Более 100 лет тому

назад, начиная с середины XIX в. и кончая первой половиной XX в., в усадьбах, расположенных на берегах озер Удомля, Островно, Молдино и других, жили и работали замечательные русские художники [Кац, 1983]. Это прежде всего И. Левитан, создавший здесь многие из своих наиболее известных картин, в том числе и такие, как «Над вечным покоем» и «Золотая осень».

С этим краем самым тесным образом связано творчество такого значительного мастера, как А. Веницианов. Именно благодаря ему впервые многие русские люди ощутили привлекательность этого края. А. Веницианов одним из первых русских художников смог запечатлеть образ русской крестьянки, рассказать о ее красоте, остающейся неизменной и во время ее отдыха, и тогда, когда она занимается сельскохозяйственными работами. Широко известна и деятельность Веницианова-педагога. Его ученик Г. Сорока стал одним из истинных певцов русской природы и русской усадьбы. Благодаря его работам мы можем представить, как выглядели ландшафты этого края [Подушкин, 2013].

Здесь же в конце XIX – начале XX в. жили и работали известные русские художники В.К. Беляницкий-Бируля, А.А. Моравов и С.Ю. Жуковский, Н.П. Богданов-Бельский. В 1918–1919 гг. на даче В. Беляницкого-Бирули «Чайка» были организованы Свободные художественные мастерские. Это была первая в России художественная народная школа. В этой школе преподавали К.А. Корвин, А.Е. Архипов, В.В. Рождественский, И.Э. Грабарь. Таким образом, есть все основания для создания совершенно особого бренда всего этого района как «Русский Барбизон». Работа в этом направлении уже ведется. Сохранилась дача В.К. Беляницкого-Бирули «Чайка». Там создан музей. Одновременно эта дача используется как творческая мастерская. Установлен памятный знак на месте гибели художника А.Г. Веницианова. Небольшие музеи созданы в селах Молдино и Островно. Постепенно расширяется круг людей, внесших вклад в развитие русской культуры и науки, уроженцев Удомельского района или чье творчество было связано с этой землей. Усилиями местных краеведов и структур власти памятные знаки установлены на месте усадьбы деда ученого Д.И. Менделеева, путешественника Н.В. Роборовского, писателя-натуралиста Н.А. Зворыкина. Таким образом, воссоздается историческая память этого края.

Заключение

Необходимо полноценное включение исторической памяти в современное культурно-ландшафтное пространство ойкумены. Особая роль в решении этой задачи принадлежит культурным ландшафтам, отнесенным обществом к объектам наследия. В связи с этим следует предпринять усилия для развития системы особо охраняемых природных и историко-культурных территорий, сети исторических поселений, музеев-заповедников и национальных парков, проводить научные исследования, позволяющие расширить объемы исторической памяти, включать в информационный слой ойкумены результаты деятельности художников, писателей, музыкантов и т.д.

Список литературы

1. *Борисов Н.С.* Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 430 с.
2. *Веденин Ю.А.* География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. – М.: Новый Хронограф, 2018. – 472 с.
3. *Веденин Ю.А., Воробьёва Е.А., Пчелкин С.А.* Новые подходы к реставрации и представлению исторических парков // Русская усадьба: Сб. Общества изучения русской усадьбы. – СПб.: Коло, 2011. – Вып. 16 (32). – С. 157–186.
4. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Сер. Геогр. – 2001. – № 1. – С. 7–14.
5. *Вендина О.И., Гриценко А.А.* Культурный ландшафт пограничья и борьба за символические ресурсы утверждения суверенитета // В фокусе наследия / сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. – М.: Институт географии РАН, 2017. – С. 398–417.
6. Всемирное культурное и природное наследие. Документы, комментарии, списки объектов. – М.: Институт наследия, 1999. – 337 с.
7. *Горбунов А.В.* Концепция культурного ландшафта в развитии Бородинского музея-заповедника // В фокусе наследия / сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. – М.: Институт географии РАН, 2017. – С. 499–517.
8. *Гриценко В.П., Наумов А.Н.* Актуальные аспекты сохранения и обустройства культурного ландшафта поля Куликовской битвы // В фокусе наследия / сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. – М.: Институт географии РАН, 2017. – С. 517–550.
9. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.

10. Каганский В.Л. Пространственные закономерности культурного ландшафта современной России: Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. – М.: Институт географии РАН, 2012. – 40 с.
11. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – М., 2009. – № 1. – С. 62–70.
12. Кац Л.И. Художники в Удомельском крае. – Калинин: Московский рабочий, 1983. – 123 с.
13. Колосов В.А. Сражения за историю, памятные места и государственное строительство на постсоветском пространстве // В фокусе наследия / сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. – М.: Институт географии РАН, 2017. – С. 205–219.
14. Кулешова М.Е. Памяти двух десятилетий культурно-ландшафтных исследований // В фокусе наследия / сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. – М.: Институт географии РАН, 2017. – С. 163–192.
15. Крестева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427–457.
16. Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
17. Лавренова О.А. Пространство и смыслы: Семантика культурного ландшафта. – М.: Институт наследия, 2010. – 330 с.
18. Лихачёв Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. – М., 1982. – 344 с.
19. Лихачёв Д.С. Заметки о русском. – М.: Сов. Россия, 1984. – 62 с.
20. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство, 2002. – 768 с.
21. Подушкин Д.Л. Художник А.Г. Венецианов в Удомельском крае. Удомельские ученики. – В. Волочек: ООО «Ирида-пресс», 2013. – 413 с.

References

1. Borisov N.S. Povsednevnyaya zhizn' russkogo puteshestvennika v epohu bezdorozh'ya. – М.: Molodaya gvardiya, 2010. – 430 s.
2. Vedenin Yu.A. Geografiya naslediya. Territorial'nye podhody k izucheniyu i sohraneniyyu naslediya. – М.: Novyj Hronograf, 2018. – 472 s.
3. Vedenin Yu.A., Vorob'yova E.A., Pchelkin S.A. Novye podhody k restavratsii i predstavleniyu istoricheskikh parkov // Russkaya usad'ba. Sb. Obshchestva izucheniya russkoj usad'by. – SPb.: Kolo, 2011. – Vyp. 16 (32). – S. 157–186.
4. Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E. Kul'turnyj landshaft kak ob'ekt kul'turnogo i prirodnogo naslediya // Izvestiya RAN. Ser. Geogr. – 2001. – № 1. – S. 7–14.
5. Vendina O.I., Gricenko A.A. Kul'turnyj landshaft pogranich'ya i bor'ba za simvolicheskie resursy utverzhdeniya suvereniteta // V fokuse naslediya / sost., отв. ред. М.Е. Кулешова. – М.: Institut geografii RAN, 2017. – S. 398–417.
6. Vsemirnoe kul'turnoe i prirodnoe nasledie. Dokumenty, kommentarii, spiski ob"ektov. – М.: Institut naslediya, 1999. – 337 s.

7. *Gorbunov A.V.* Konceptiya kul'turnogo landshafta v razvitii Borodinskogo muzeya-zapovednika // *V fokuse naslediya / sost., otv. red. M.E. Kuleshova.* – M.: Institut geografii RAN, 2017. – S. 499–517.
8. *Gricenko V.P., Naumov A.N.* Aktual'nye aspekty sohraneniya i obustrojstva kul'turnogo landshafta polya Kulikovskoj bitvy // *V fokuse naslediya / sost., otv. red. M.E. Kuleshova.* – M.: Institut geografii RAN, 2017. – S. 517–550.
9. *Kalutskov V.N.* Landshaft v kul'turnoj geografii. – M.: Novyj hronograf, 2008. – 320 s.
10. *Kaganskij V.L.* Prostranstvennye zakonomernosti kul'turnogo landshafta sovremennoj Rossii. Avtoref. diss. doctor geogr. n. – M.: Institut geografii RAN, 2012. – 40 s.
11. *Kaganskij V.L.* Kul'turnyj landshaft: osnovnye koncepcii v rossijskoj geografii // *Observatoriya kul'tury: zhurnal-ozobrenie.* – M., 2009. – N 1. – S. 62–70.
12. *Kac L.I.* Hudozhniki v Udomel'skom krae. – Kalinin: Moskovskij rabochij, 1983. – 123 s.
13. *Kolosov V.A.* Srazheniya za istoriyu, pamyatnye mesta i gosudarstvennoe stroitel'stvo na postsovetском prostranstve // *V fokuse naslediya / sost., otv. red. M.E. Kuleshova.* – M.: Institut geografii RAN, 2017. – S. 205–219.
14. *Kuleshova M.E.* Pamyati dvuh desyatiletij kul'turno-landshaftnyh issledovanij // *V fokuse naslediya / sost., otv. red. M.E. Kuleshova.* – M.: Institut geografii RAN, 2017. – S. 163–192.
15. *Kristeva Yu.* Bahtin, slovo, dialog i roman // *Francuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu.* – M.: Progress, 2000. – S. 427–457.
16. Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt naslediya. – M.: Institut Naslediya; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. – 620 s.
17. *Lavrenova O.A.* Prostranstvo i smysly: Semantika kul'turnogo landshafta. – M.: Institut naslediya, 2010. – 330 s.
18. *Lihachyov D.S.* Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovyh stilej. – M., 1982. – 344 s.
19. *Lihachyov D.S.* Zametki o rusском. – M.: Sov. Rossiya, 1984. – 62 s.
20. *Lotman Yu.M.* Istoriya i tipologiya rusской kul'tury. – SPb.: Iskusstvo, 2002. – 768 s.
21. *Podushkin D.L.* Hudozhnik A.G. Venecianov v Udomel'skom krae. Udomel'skie ucheniki. – V. Volochyok: OOO «Irida-pross», 2013. – 413 s.